

ЛАДА КУТУЗОВА

ПОСЛЕДНИЙ
КАРЛСОН

12+

Лада Кутузова

Последний Карлсон

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57337781

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-93995-0

Аннотация

Сборник фантастических и юмористических миниатюр. Место драконов в современном мире, резервация для сказочных существ и совсем недалекое будущее описаны в сборнике. Вторая часть книги – подборка юмористических миниатюр про детского писателя Петрова.

Содержание

Сборник «Последний Карлсон»	4
Исправить прошлое	4
Главное предназначение Бога	8
Роза Уильям Шекспир	13
Я подарю тебе Землю	17
Последний Карлсон	21
Мечты сбываются	25
Не место для драконов	29
Зачем он ломал мои игрушки?	34
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Лада Кутузова

Последний Карлсон

Сборник «Последний Карлсон»

Исправить прошлое

Петрович прожил счастливо и беззаботно целых тридцать пять лет, когда его угораздило влюбиться. Страсть закрутила, как стиральная машинка белье, накрыв с головой. Грянул марш Мендельсона, торжественная усатая тетка объявила о нерушимости брачных уз, мать тоненько завыла, словно провожая в последний путь, и очнулся Петрович уже глубоко семейным человеком. И все бы было неплохо, если бы не теща. Это была не просто теща, а Теща с большой буквы, всем зятям в назидание. Все, что делал Петрович, осмеивалось ею и подвергалось остракизму. Сильнее всего Теща переживала по поводу мезальянса своей доченьки. Пусть Петрович считался лучшим мастером в автосервисе и являлся обладателем отдельной жилплощади, пусть начальство ценило его на вес золота и платило такую зарплату, что не каждому белому воротничку снилась – все это Галина Петровна старательно не замечала. Так и говорила: «Не пара он тебе, Лю-

бонька, не пара».

Однажды на семейном празднике Петрович хряпнул для храбрости три рюмки забористой самогонки и поинтересовался:

– А чем же я вам, Галина Петровна, не нравлюсь? Что образования у меня нет – это пустяк, я поболее любого инженера зарабатываю. Выпиваю редко и в меру, не курю, зарплату до копейки в дом приношу, дочь вашу не обижаю. Что ж вы, обожаемая теща, на меня все время так смотрите, будто я вашу пенсию украл?

Галина Петровна к тому времени тоже уже изрядно наотмечалась, поэтому выдала, как на духу:

– Ты, зятек, не обижайся, но похож ты на одного мерзавца. Сколько лет прошло, а как вчера все помню, морда его до сих пор перед глазами стоит. Возвращалась я со школы домой, а этот подлюка подошел ко мне и ни с того ни с сего как вдарит! Я в рев, а он деру дал. Так что хошь делай, но любви промеж нами никогда не будет. Не по нутру ты мне.

Петровичу откровения тещи запали в душу. Был у него со школьных лет приятель один, Колька Ботаник. Тот вечно какие-то опыты ставил, книжки умные читал. А недавно Петрович ему деталь помог сварганить: Колька утверждал, что машину времени изобрел и скоро Нобелевку за свое открытие получит. Так и так, решил Петрович к другу подкатить по поводу эксперимента. Мол, он согласен послужить на пользу науке. Ботаник, конечно, обрадовался – не хоте-

лось собой рисковать – и согласился отправить Петровича в прошлое. Петрович подговорил Любочку, чтоб та разузнала у своей мамы, когда то печальное событие произошло. А сам решил: подкараулит того мужика и не даст ему свою будущую тещу обидеть. И все у них с супругой наладится, а то та вечно пасмурная после материнских визитов ходит, и глаза, как у моли, у которой шубу любимую отняли.

Наступил час икс. Колька в тысячный раз проинструктировал, как выставлять дату, точное время, координаты. Проверил ремни, подергал за рукоятки и, наконец, благословил. Петрович нажал на пуск, машина резко ухнула вниз, так что сердце у Петровича чуть не вылетело через рот, затем все потемнело, и очнулся он уже в старом дворике. Поставил аппарат на режим невидимости (военная разработка), настроил опции возврата, а сам принялся выжидать. Скоро показалась будущая теща. Петрович сразу ее узнал: пусть и двенадцатилетняя, а уже дылда дылдой. Она неторопливо возвращалась домой, крутя в руке мешок со сменкой и доедая мороженое. Никакого подозрительного мужика рядом не было. Петрович еще раз огляделся, но так никого и не обнаружил. И тут его досада взяла: что ж это такое? Его постоянно грызут ни за что, разлад в семью вносят, а вся история голый пшик?! Петрович сплюнул со злости, подошел быстрым шагом к еще не теще и залепил увесистого леща. Мороженое упало на асфальт жирной кляксой, девчонка заревела со всей дури, а сам Петрович скрылся в машине времени.

А пусть не врет!

Главное предназначение Бога

Начинающему ученому Грегу Смитту повезло с тестем. Тот никогда не отказывался помочь зятю, наоборот, считал продвижение карьеры зятя своей первоочередной задачей.

– Слетаешь на Аврору, побудешь там пару недель, вроде как для необходимых исследований, – предложил тесть. – У тэддийцев сейчас активно развивается вера в единого Бога. Подберешь материал, основные тезисы я тебе накидаю. После защитишь диссертацию, что любая развивающаяся раса приходит от многобожия к монотеизму. И возьму к себе в институт, пока младшим научным сотрудником, а там видно будет.

Аврора представляла из себя планету, чьи параметры приближались к земным, и являлась огромным куском суши, лишь с севера омываемой океаном. Пригодная для проживания местность тянулась вдоль этого побережья, остальная часть материка была изрезана огромными трещинами, которые постоянно меняли свое расположение. У малочисленных исследователей создалось впечатление, что природа на планете изначально решила ни в каких экспериментах не участвовать, поэтому разнообразием флоры и фауны не радовала.

В океане плавали огромные сгустки комбижира, которых местное население называло кормильцами. Внешне кор-

мильцы походили на поднимающееся тесто, состоящее из белесо-бесформенных комков. Они мигрировали зимой к побережью за стадами взвешенных кормовых частиц, а на лето уплывали к полюсу, скрываясь за плавающими ледяными горами.

На потрескавшейся поверхности Авроры обитали прыгалки, больше всего напоминавшие спирали. Прыгалки постоянно находились в движении, перекатываясь через всевозможные ловушки этой планеты, когда из ниоткуда на месте всегдашней тверди возникала бескрайняя впадина. Летом стада прыгалок вслед за ветрами приносило на край суши, где на них охотились разумные обитатели Авроры тэддийцы, прозванные так из-за своей схожести с игрушечными мишками Тэдди. Умильные создания, неловкие на первый взгляд, являлись обладателями быстрой реакции, а также смертоносного набора клыков и когтей. Их-то и предстояло изучить Грегу Смитту.

Все эти сведения Грег прокручивал, спускаясь на шаттле на основную базу, заодно припомнил и байку, которую поведал тесть с наказом держать язык за зубами. Мол, изначально тэддийцы ни в какого единого бога не верили, но как-то случился у них в межсезонье продовольственный кризис, и стали они погибать от голода. И один из астронавтов, русский по происхождению, нарушив все директивы, притащил мишкам Тэдди несколько ящичков консервов. Тэддийцы уверовали в Бога, доброго и всемогущего, русского со станции

отослали, а Грегу надо всего лишь притащить доказательства, пусть и сфабрикованные, и дело в шляпе. Спуск на Аврору шел в плановом режиме, когда неожиданно отказала система навигации. Шаттл начал совершать аварийную посадку.

Лео волновался. Кормильцы уже две недели назад покинули побережье, отбив в край вечной ночи. Небо по-прежнему скрывало солнце, дающее тепло. Не дули южные ветра, увлекая за собой травяные шары, вслед за которыми всегда появлялись прыгалки. Запасы еды закончились три дня назад, и ребенок, недавно родившийся у подруги Лео, начал угасать – у всех землекопов, так называли себя тэддийцы, был быстрый обмен веществ. А Бог, который обещал, что никогда больше его дети не станут голодать, не появлялся.

Внезапно раздался оглушительный рев, Лео посмотрел вверх и увидел быстро спускающийся шар, упавший недалеко от стоянки племени. Землекоп нерешительно потоптался на месте, затем решился и отправился в путь. Через несколько часов он нашел непонятный ему предмет, рядом с которым лежал Бог. Лео долго не решался подойти, но, когда Бог открыл глаза, подполз к нему на коленях и замер, преклонив голову.

Когда Грег очнулся, то обнаружил, что лежит вне шаттла, видимо, сработала катапульта. При появлении тэддийца Грег

напрягся: до сих пор никто, кроме ненормального русского, на контакт с племенем не выходил, и неясно, чего следовало ожидать в подобных случаях. Но поведение мишки Тэдди не пугало, видимо, тот сам испытывал страх. Вскоре тэddieц заговорил.

– Я ждал тебя, Бог.

– Не понимаю, – Смитт пожал плечами. Он не удосужился установить себе в память базовый язык аборигенов.

– У тебя ведь есть еда для нас? – настойчиво поинтересовался Лео.

Грег отрицательно замотал головой:

– Ни фига не понимаю.

– Но ты же обещал! – в интонации Лео, который воспринял движение головой как знак отказа, прозвучало отчаяние.

– Черт, покурить бы, – Грег начал ощупывать себя в поисках сигарет – ему нужен был стимулятор, чтобы окончательно прийти в себя.

Лео воспрял духом: у Бога нет еды с собой, но Бог готов предложить самого себя – жест Бога, похлопывающего по себе, никакого сомнения не вызывал. В их племени принято было принимать плоть стариков, желающих дать возможность выжить молодым в межсезонье. С чувством благодарности быстрым движением лапы землекоп ударил Смитта по горлу. Захлебываясь собственной кровью, неудавшийся ученый повалился на землю.

Лео отнес тело ученого к стоянке племени, и все землеко-

ды вкусили кровь и плоть Бога, приняв частицу его в себя.
На следующий день южные ветра пригнали стада прыгалок.

Роза Уильям Шекспир

Бог был стар: бессмертие настигло Сэма Уинстона, когда ему исполнилось восемьдесят семь. За день до этого он похоронил жену, самолично выкопав могилу под кустом роз. Куст с именем английского поэта она особенно любила. Тяжелые, темно-вишневые помпоны цветов благоухали с весны до поздней осени, наполняя сад неповторимым ароматом.

Сэм аккуратно вырыл глубокую яму, стараясь не повредить корни. Позвать на помощь было некого – все умерли. Затем осторожно завернул тело жены в скатерть. Эту скатерть с крупными кистями, в разводах ярких цветов она берегла для праздников. А сейчас Сэм уложил жену ровно по центру, словно младенца, и запеленал. Нести тело оказалось нетрудно: Сара была маленькой, будто птичка, а к старости еще больше усохла. Сэм опустил тело в могилу при помощи ремней и закидал землей. Затем прикатил на тачке камни с альпийской горки и уложил сверху.

"Прощай, Сара", – пробормотал он и, спотыкаясь, отправился в дом.

В тот вечер он долго сидел у потухшего камина в кресле-качалке, пил пиво и бессмысленно смотрел в окно. Уже далеко за полночь из дома раздался протяжный стон. Сэм вздрагивал всем телом и выл, не стесняясь слез. Даже когда умерли дочери, он так не горевал. И кончину внуков перенес

внешне спокойно. И даже смерть маленького Пэта, правнука, этой личинки месяц от роду, не успевшей стать человеком, не вызвала в нем подобных страданий.

В тот год появился новый вирус. Сэм ворчал: "Опять это горе-доктора паникуют. Сколько уже было этих болезней. и свиной грипп, и птичий. И даже из черной Африки – вирус Эбола. И все кончилось очередным подорожанием лекарств. Вот помяни, Сара, и сейчас будет то же самое. Кто-то делает деньги на людских страхах". Но в этот раз страшилками дело не завершилось – люди умирали, как колорадский жук после обработки полей дихлофосом. Сэм только надеялся, что Сара переживет его. Он не представлял, что будет делать, оставшись один. И вот все умерли, а он нет – вирус дал мутацию. Сэм подождал еще пару дней, но смерть так и не явилась. Он по привычке вышел в сад и пошел полоть грядку с морковью. Несмотря на возраст, они с Сарой каждую весну сажали зелень и овощи – деревенская привычка. Над Сариной могилой склонились розы.

"Ей бы понравилось", – отметил Сэм. Даже тогда он не подозревал, что стал Богом.

Дни текли один за другим. Сэм каждое утро выпивал кружку молока с куском горячего пшеничного хлеба, не задумываясь, откуда берется еда в кухне. Включал свет, хотя во всем мире электричества уже не существовало, но Сэм не застревал над такими вопросами: он был очень стар, и

ум утратил прежнюю остроту. Шел в сад и наводил порядок: удалял больные ветки, боролся с сорняками, подкармливал растения. В один из дней отправился на окраину деревни – там располагался большой овраг. Накопил красной жирной глины и на тачке привез в дом. Весь вечер мял глину в руках, прикидывая так и этак. Начал с животных. Сначала слепил кошку. Не понравилось, разломал кусок и переделал. Вышло гораздо лучше. Потом сделал собаку – у них была похожая, помесь таксы и пуделя. Маленькая, несуразная, но очень смышленная. После смастерил пару для кошки и собаки. За ними последовали свиньи, лошади, коровы и птицы. Наконец, Сэм приступил к людям. Первым вылепил парня. Среднего роста, в меру плотного, с открытым честным лицом.

"Назову-ка я тебя Адамом, сынок", – решил Сэм.

Адам ему понравился – тот походил на самого Сэма. Затем Сэм приступил к подружке для Адама. Первую девицу он забраковал. Она вышла очень смазливой, вся такая секси, как говорили в молодости Сэма. У них по соседству жила разбитная бабенка, звали ее Лили. С большой грудью и взглядом с поволокой. Сэм забегал к ней иногда. Сара, наверное, догадывалась, потому что никогда не любила лилии и не сажала на участке.

"Дурной цветок, – говорила она. – Вроде и красивый, и яркий, а пахнет так, что голова от него болит. И думать ясно не можешь. То ли дело розы".

Со временем Сэм перестал заходить к соседке, а сама она куда-то переехала. Говорили, что в Техас к какому-то ковбою.

Сэм еще раз посмотрел на Адама: "Нет, сынок, тебе нужна хорошая женщина, как моя Сара. Чтобы в горе и в радости, всю жизнь вместе. Почти семьдесят лет мы с ней прожили".

Сэм достал с комода фотографию жены и поставил перед собой. Весь день не вставал с места, но все же Ева была готова. Сэм удовлетворенно щелкнул языком: "То, что надо!" Он положил заготовку в духовку и высушил на небольшом огне.

Ранним утром Сэм отнес фигурки к могиле: "Смотри, Сара, что я наловчился делать. Неплохо, не правда ли?"

Он еще раз поглядел на творение своих рук и тихонько подул. В то же мгновение Адам громко чихнул. Рядом открыла глаза Ева. Раздалось блеяние, лай и мяуканье, но всего этого Сэм уже не слышал – он спешил в дом. Ему показалось, что из окна машет Сара. Только Сэм ступил на порог, как перестал быть Богом и умер. Тут же старый дом обрушился, не пережив хозяина.

А в саду новорожденные Адам и Ева любовались пышными розами, которые позднее назовут роза Уильям Шекспир.

Я подарю тебе Землю

«Я подарю тебе Землю, Землю в лучах заката», – надрылся модный в этом сезоне шансонье. Люба слушала песню и неспешно выбирала на пульте борткомпа¹ режим посадки. В этот момент ее подрезал флаер² стального цвета и, резко затормозив, опустился на облюбованное место.

– Скотина! – в сердцах выругалась Люба и полетела в дальний угол парковки.

Скотиной оказался пятикурсник факультета космической разведки Родион Джег. Он медленно вылез из болида последнего поколения и направился ко входу в универ. Люба следила за ним в дисплей, пока флаер аккуратно спускался на свободное место. Родион Джег был звездой университета. Отличник, спортсмен и просто красавец. В общем, мечта любой девушки факультета прикладной биологии.

В следующий раз Люба столкнулась с ним на студенческой вечеринке, посвященной Большому перелету. Группа первокурсников изображала первых астронавтов, ступивших на Террию. Любе досталась роль врача. Сразу после спектакля к ней подошел Родион и шутливо спросил:

– А не могли бы вы, доктор, проверить мое сердце? Почему-то при вашем виде оно замирает.

¹ борткомп – сокращенно от «бортовой компьютер»

² флаер – летательный аппарат, применяемый на планете

Люба хлопала глазами, потеряв дар речи.

Роман развивался стремительно. Подружки только скрежетали зубами, не скрывая зависти. Куча разноцветных камней, стилизованных под земные цветы, крутые виражи под куполом Террии, и стихи, которые Родион посвящал ей – никто так не ухаживал за Любой.

– Я лечу на Землю, – сообщил он в один из вечеров.

– Ты что?! – испугалась она. – Это опасно. Земля осталась в другом временном потоке. Сам знаешь, что не все корабли преодолели временной разрыв.

– Знаю. Это тема моей дипломной работы – преодоление временных разниц с помощью высвобожденной энергии черной дыры. Не бойся, я обязательно вернусь.

– Не надо, – попросила Люба. – Лучше выбери обычную дальнюю разведку. Это будет проще для всех.

Родион поцеловал ее пахнущие дынным огурцом волосы и пообещал:

– Я вернусь, только жди.

– Только жди! – злилась через месяц Люба, рассказывая о проводах своей ближайшей подруге. – Блин! А я-то размечталась: выйду замуж за дальнобойца³.

– Да ладно, Любка, не парься, – подруга хлебнула мохито и заметила: – Зато будешь подружкой героя, если вернется.

– Если, – вздохнула Люба. – Все в это дурацкое «если»

³ дальнобойц – жаргонное название пилотов дальней космической разведки

и упирается.

– Да ладно тебе, не парься, – повторила подруга. – Пошли лучше в клуб зажигать. Что время зря терять?

Ровно через полгода Родион вернулся обратно. Космический челнок был поврежден, сам Джек получил контузию, но экспедиция прошла успешно. После восстановления Родиона в капсуле интенсивной терапии Люба навестила его.

– Привет, – поздоровалась она.

Прошло всего семь месяцев, но ей показалось, что Родион стал чужим, словно между ними ничего не было.

– Я вернулся, – улыбнулся он.

– Вижу, – Люба поправила одеяло.

– Знаешь, там здорово, – он мечтательно посмотрел в окно. – Все настоящее, даже воздух настоящий, а не сгенерированный, как здесь. И никакого купола над головой. И Солнце совсем не опасное.

– Рада, что тебе понравилось, – сухо ответила Люба.

– Ты полетишь со мной? Будем с тобой Адамом и Евой в новом мире. Я ведь только ради тебя вернулся.

Люба не ожидала услышать подобное, поэтому брякнула, не подумав:

– Нет, извини. Я как-нибудь здесь. Думаешь, я для чего на прикладную биологию поступила? Чтобы удачно выйти замуж. А удачно это значит, чтобы муж под ногами не путался, а его премиальных хватало на мою красивую жизнь. Лететь куда-то и рисковать жизнью – не мое.

И она ушла.

«Будет ласкать тебя Солнце, Ветер ерошить волосы», – песня никак не хотела сходить с вершин хит-парадов. Люба выругалась и отключила плеер.

Последний Карлсон

Димон участвовал в гонках на флаерах с пятнадцати лет. Сперва в полулегальных, на заброшенном аэродроме. С восемнадцати вступил в клуб и начал гонять на космодромах. Очередной этап кубка мира дался с трудом – в полуфинале собрались зубры. В самом начале трое лидеров рванули вперед, оттесняя Димона на последнюю позицию. Он сжал зубы и нечеловеческим усилием в крутом пике поднырнул под брюхо ближайшего соперника и вынырнул перед самым носом, заставив того уйти в сторону. Затем рискуя, вошел в вираж на немыслимой скорости. Удержался в нем и пришел вторым.

Перед финалом Димон долго настраивался. В прошлых заездах не удавалось пробиться на пьедестал, но сегодня Димон решил, что поставит на кон все, но сделает этот этап. Взревели двигатели, по бокам зажглись зеленые огни световых барьеров, барьер упал, и флаеры рванули с места. Димон дышал через раз, рвясь к финишной черте. Неожиданно перед кормой болида возник смешной человечек с пропеллером на спине. Димон вдавил педаль тормоза и попытался уйти от столкновения, понимая, что шансов нет. В следующий миг послышался глухой удар о дверцу. Мимо просвистели соперники, радуясь очередным победам, а Димон уже бежал к месту аварии. Человечек лежал, уткнувшись носом в густую

траву. Сейчас он походил на сломанную игрушку, из которой выкачали воздух.

– Вот черт! – воскликнул кто-то из болельщиков. – Это же Карлсон. Кажется, последний.

Вскоре прибыла служба утилизации. Димона допросил ее работник, невзрачный мужчина неопределенного возраста. Словно в тумане, Димон отвечал на вопросы. В голове вертелось одно: как это могло произойти именно с ним? Волшебные существа почти исчезли с планеты, и оставшиеся были включены в Красную книгу сказок. Вдруг теперь у него отберут лицензию, и он не сможет летать? Но служащий оформил дело как убийство по неосторожности, виновным был назначен Карлсон.

– Хоть тысячу раз им объясняй, чтобы держались подальше от людских поселений, бесполезно, – буднично заметил он. – У них в одно ухо влетает, в другое вылетает.

Дома мать пристала с расспросами, что случилось. Димон долго отнекивался, морщась, словно от зубной боли. Потом раскололся.

– Карлсона сбил. Последнего, – признался он.

По лицу матери пробежала тень. Она некоторое время молчала, затем сообщила:

– А я в пятом классе на Мальчика-с-пальчик наступила. Долго потом не могла нормально ходить.

Она посмотрела на ногу, словно собираясь отыскать на ней следы совершенного преступления, и ушла в свою ком-

нату.

Через неделю Димон зашел в библиотеку. Небольшой зал встретил его давящей тишиной. Библиотекарша, маленькая сухонькая старушка, с подозрением спросила:

– Что вам надо, молодой человек?

– Книжку про Карлсона, – озираясь по сторонам, ответил Димон.

Все так же недоверчиво щурясь, библиотекарша залезла в пыльный шкаф и долго копалась в нем. Наконец вытащила из его недр пожелтевшую от времени книгу.

– Астрид Линдгрэн, – громко объявила она, – «Малыш и Карлсон».

Димон сидел в читальном зале и с усилием заставлял себя читать. С функций автоматической загрузки информации отпала необходимость в навыках чтения. Но сейчас он старался наказать себя за тот случай и медленно водил пальцем по строкам.

– Вы скоро? – спросила библиотекарша. – Через пять минут закрываемся.

– Уже все, – поднялся с места Димон.

Ему казалось, что он хотя бы немного искупил свою вину. Приближался очередной этап кубка мира. Димон проверял болид перед соревнованием, отыскивая неисправности. Убедившись, что все в порядке, решил перекусить. Налил чай из термоса и открыл банку вишневого варенья, купленного в интернет-магазине. Внезапно над правым ухом разда-

лось жужжание, и веселый голос произнес:

– Привет! Можно мне здесь на минуточку приземлиться?

Мечты сбываются

Зинка мечтала выбиться в люди. Ей грезился огромный дом на берегу океана, крикливые птицы, парящие над водой, дорогое авто с личным водителем и прочая мишура красивой жизни. Жизнь реальная оказывалась куда прозаичнее: тесная трешка, где Зинка жила с родителями и двумя братьями, заурядное ПТУ, после которого один путь – на завод с низкой зарплатой. Правда, имелся у Зинаиды огромный плюс, который мог обернуться выигрышным билетом, – она была хороша собой. И следовало как можно быстрее конвертировать этот плюс в надежное обеспечение. Зина этот способ продумала до подробностей. Искать себе папика смысла не имело – все папики были давно и прочно женаты, имели детей и несколько любовниц для солидности. Зато стоило присмотреться к соседу Женьке. Он был единственным сыном у родителей, учился в престижном институте и имел вполне приличные виды на будущее. Девушка решила действовать.

Все получилось даже легче, чем она ожидала. Пару раз попросила Женьку помочь решить задачи по математике, затем понадобилось закачать мелодии и пару фильмов на таблетку. Таблетка у Зинаиды была встроена не где-нибудь, а под правой грудью. Мини-порт скрывался под изображением алой розы, имплантированной в кожу. В шестнадцать лет

роза казалась крутым поворотом, сейчас же Зина предпочла бы японский иероглиф, символизирующий удачу. Но денег ни на достойное обновление системы, ни на более приличный порт не имелось. Родители не могли помочь при всем желании. Приходилось пользоваться лишь ограниченными возможностями таблетки. Хорошо, что хоть музыку можно слушать, да фильмы смотреть, пока добираться на метро до училища. Женька же, знала Зинка, установил себе самую последнюю прошивку на таблетке, позволяющую подключаться к wi-fi и пользоваться поисковиком с навигатором по необходимости.

Женька, увидев место расположения порта, густо заалел, руки его дрогнули. Он старательно отводил глаза в сторону и нес ахинею. Зинка же делала вид, что обнаженная грудь в порядке вещей.

– А твоя таблетка где находится? – поинтересовалась она.

– В правое плечо вшили, – Женька закатал рукав. На бицепсе виднелась голова скалящегося волка.

– Красиво, – и Зинка провела пальцами по Женькиной руке.

Осторожно и очень нежно. Очень. Женька тяжело задышал, его ладони покрылись липким потом. Он облизнул пересохшие губы. Зинка приникла к нему, и Женька почувствовал, что пропадает.

... Прошло пять лет. Зинины надежды оправдались. Буду-

щая свекровь, правда, пыталась вызволить своего мальчика из лап пронырливой девицы, но вовремя случившаяся беременность свела на нет мамашкины потуги. Евгений успешно защитил диплом и получил распределение на научно-исследовательскую базу. Фирма по контракту предоставила ему небольшой дом, снабженный всеми необходимыми функциями, и автомобиль среднего класса. Четырехлетнего Димку устроили в садик.

Утро выдалось хлопотное. Димка с утра устроил истерику:

– Хочу мультики. Скачайте мне мультики. Не хочу спать днем, я лучше мультики смотреть буду.

– Господи! Дурдом! – от души жаловалась Зина мужу. – Вчера он мне мозг вынес с новой игрой, мол, у полгруппы такая уже закачана, а у него нет. И воспитательница ругалась, чтобы мы отключали таблетки на время садика.

– И игру хочу! – подхватил Димка.

– А одна мамашка мне все уши прожужжала. Они своему вундеркинду Шекспира закачали. Тоже, нашла, чем хвастаться. Они б ему еще теорию Лобачевского залили, – кипятилась Зина.

Евгений поцеловал супругу, хлопнул сына по руке и пообещал:

– Сегодня принесу обновление. Десять игр и пару мультфильмов. Только в садике не играй, это для дома.

– Тогда и мне обнови, а то недавно рекламировали новый

сериал, хочу посмотреть, – попросила Зинка.

Волны рокотали, перебирая прибрежные камни, истеричные чайки ругались над водой. Зина смотрела вдаль за горизонт, куда падало солнце. Мечты сбываются.

Не место для драконов

Обычно я в это время уже сплю, но в телефон прогудели:

– Алле, Ладик, это я. – У Ольги был особенный голос, словно ей в гортань вставили трубу.

Я угукнула.

– Как дела? – продолжала она.

С тех пор, как Ольга вышла замуж за дракона, мы общались только через социальные сети – она считала своим долгом поздравлять всех с православными праздниками, что бесило Ры – нашу общую подругу.

Замужество Ольги никто не поддержал: жить с драконом – все равно что сидеть на пороховой бочке.

– Принцев на горизонте не наблюдаю, – отрезала тогда Ольга, – а мне уже тридцать.

На свадьбу мы не поехали, да она и не приглашала.

– Как у Ренаточки дела? – поинтересовалась Ольга.

Ры было прозвищем, от первых букв фамилии.

– Ничего. Завела котенка.

С тех пор, как они поссорились, прошел год.

– У нее же был кот, – удивилась Ольга.

За невысказанным неодобрением послышался упрек: лучше бы замуж вышла и ребенка родила. Я промолчала.

– Ой, – спохватилась Ольга. – Видела твою книгу в магазине. Поздравляю!

Раньше мы думали, что писателем станет Ры – в семьях менестрелей рождались талантливые дети. А в результате писать начала я: темное фэнтези. Про драконов и рыцарей. С плохим концом: когда дракон на глазах похищенной принцессы пожирает последнего драконоборца. Или когда рыцарь все же побеждает зверя, но находит в пещере лишь обглоданные кости девушки. Читатели любят такое.

– Как Костик? Ничего не слышала? – спросила Ольга.

– Ры видела его недавно, – не подумав, брякнула я.

Ольга насторожилась:

– И как он?

– Нормально, – врать я не умела. – Женился. Такая бойкая девица: моложе нас лет на десять. В рваных джинсах, пирсинг над бровью, волосы в розовый окрашены. Шутиха, одним словом.

В студенческие времена мы верили, что Ольга и Костик станут парой. Мымрик и Прекрасный принц – мы так звали их. Мымрик потому, что Прекрасная Принцесса и Прекрасный Принц было чересчур.

После окончания института Костик отдалился и пропал. Мымрик бросила диету и растолстела.

– Я очень за него рада! – сообщила Ольга. – Очень!

Я сделала вид, что поверила.

– А давай, ты ко мне в гости приедешь, – неожиданно предложила она.

Я не ожидала, поэтому не сообразила, что ответить.

– В субботу! – продолжала Ольга. – Познакомлю наконец с мужем. Хочешь, своих бери.

От последнего предложения я отказалась.

Утром перед поездкой я залезла на антресоли и достала сверток. Бросила сложенный меч в сумочку. В моей семье уже четыреста лет воспитывали драконоборцев. Даже девочек. Только муж и сыновья ничего не знали о традиции: я скрывала. Ведь общество становилось все более толерантным, и драконов занесли в Красную книгу.

Их стали даже селить в городах рядом с парками. Выделяли огромную жилплощадь на первых этажах. С шумоизоляцией. С огнеупорными стенами – чтобы драконы могли принять там истинный облик. В других местах это делать запрещалось. Правда, остальные жители такому соседству не радовались, но помалкивали.

Ольга и ее муж жили за городом – в зеленой зоне. Невысокий семиэтажный дом, из современных – с пандусами около подъездов. Ольга ждала возле двери.

– Проходи, – пригласила она.

В зале меня встретил ее муж: высокий худой мужчина с бородавкой на левой щеке. Мы поздоровались. Ольга подала овощное рагу.

– Только что из мультиварки, – сообщила она. – Мы с Петечкой перешли на правильное питание.

Я покосилась на стол: салаты, заправленные оливковым маслом, много зелени.

– Предпочитаю мясо. Люблю такое, слегка поджаренное, с кровью, – слова вырвались против воли: общество дракона нервировало.

Петечка грустно усмехнулся.

Ольга защebetала, не давая нам вставить ни слова.

– Ремонт недавно сделали. Тут же перегородок совсем не было. А теперь получилась трешка, – с гордостью поведала она. – Осталось только туалет до ума довести.

Постепенно обед близился к завершению. Я мечтала побыстрее уехать. Ольга убежала на кухню ставить чайник, мы с Петечкой остались наедине.

– Вы не могли бы...? – Петечка посмотрел на мою сумку.

Я начала перебирать варианты: в принципе, да. Бросить вызов по всем правилам. Найти уединенное место и сразиться. И плевать, что потом газеты будут визжать на разные голоса об агрессивных драконоборцах. Но не успела – вернулась Ольга. Больше она нас вдвоем не оставляла.

Перед дорогой я посетила туалет. На ободранных стенах были заметны следы копоты. Будто кто-то прижигал их огромной сигаретой. Когда я вышла, Петечка смущенно отвел глаза.

Дома я раздраженно хлопнула дверью. Муж и сыновья удивленно посмотрели на меня. Я достала из сумки меч и бросила на стол.

– С завтрашнего дня начинаем тренировки! – пришлось рявкнуть, чтобы до всех дошло, что я серьезна. – Рядом с

нами живут драконы, мы не можем остаться беззащитными.

Через год Ольга прислала фотографию. Та была коротко подписана: сюрприз! С фотографии на меня взирал пухлый младенец. Ничего драконьего в его лице не было.

Похоже, Ольге все же удалось сделать из Петечки настоящего человека.

Зачем он ломал мои игрушки?

Брат расхохотался.

«Чело-веки!» – он сморщился, будто ему в рот попал травяной клоп, и хлопнул себя по лбу. Потом вытаращил глаза, оттянув нижние веки пальцами, отчего глаза налились красным. Я не люблю, когда брат так делает: будто он хочет стать кем-то страшным, а не моим братом.

– А почему тогда не чело-веки-рото-носы? – скривился он. – Или руко-ноги? Какие дурацкие прозвища ты им даешь.

– Ничего не дурацкие, – я старался не показать, что мне обидно, иначе брат не отцепится.

– Как же не дурацкие, – хмыкнул он. – Такие же дурацкие, как ты сам. «Живот-ные» – не мог чего получше придумать!

Я ничего не ответил. Пусть я не мастак сочинять названия, зато умею лепить из глины разное.

Брат заглянул в домик, хотя я пытался прикрыть его рукой.

– Ой, эти чело-веки уроды! А знаешь почему?

Я промолчал.

– Потому что они похожи на тебя! Лепишь таких же уродов, как сам.

Чело-веки и впрямь походили на меня. А на кого же еще? Не на брата же. Хотя мы близнецы, и другие нас путают, но

я – это я, а он – это он, мы себя никогда не перемешиваем.

– Дай посмотрю! – брат вырвал коробку и начал вглядываться в чело-веков.

Через некоторое время он резко пихнул ее обратно.

– Они и тупые, как ты, – с разочарованием произнес брат.

Брат злился, потому что не мог никого со-творить. Сколько не пытался, у него ничего не выходило. А мои чело-веки умели ходить, правда, неуклюже и падали все время, но это ерунда. Зато живот-ные получились хорошие: они бегали и издавали различные звуки. Ничего, я и чело-веков научусь хорошо делать. Мама говорила: «Главное – верить в себя, и все получится».

Домик из коробки собрала мама. На крышке нарисовала небо. На дно приклеила горы и леса из картона, изобразила реки и моря. Когда мама исчезла, я целыми днями лежал на полу и разглядывал коробку. А потом решил со-творить что-нибудь сам. Долго решал из чего, а после взял глину, потому что пластилин брат забрал себе. Он вечно все отбирает у меня, но коробку я не отдал: он может что-нибудь испортить в мамином домике.

...Брат сломал чело-веков. Утром я открыл домик, а несколько живот-ных и чело-веков лежали без движения – они были раздавлены. Брат подошел и пихнул меня в спину.

– Давай, плачь! – велел он.

Я сдерживался: не хотел, чтобы он смеялся надо мной.

– Они мне надоели! – продолжил брат. – Ничего не умеют, лишь ходят, сталкиваются друг с другом и падают.

– Они научатся, – ответил я, хоть и не стоило.

– Как же, – брат выхватил одного чело-века и стал раскручивать его, – они тупые, как и ты.

– Отдай! – не выдержал я.

– Тогда повторяй: «я тупой», – велел брат.

– Не буду!

Брат с силой швырнул чело-века об стену, тот ударился и больше не шевелился.

– Тупой, тупой! – стал кричать брат. – Надо отнять у тебя коробку, чтобы ты не портил ее своими дурацкими игрушками.

– Это не игрушки! Это чело-веки!

Я изо всех сил прижал домик к себе: мама сделала его для меня. Брату-то он зачем? Он вечно все ломает. Но брат подступил так близко, что я испугался. Он не оттягивал сейчас нижние веки пальцами, но мне показалось, что это кто-то страшный, а не мой брат. И я начал злиться, что он пугает меня. А мама говорила, мне нельзя злиться, потому что я в такие моменты сам не ведаю, что творю. И отключаюсь. Из-за этого кусок времени выпадает из памяти. Это как картинка, состоящая из пазлов: если пропали самые главные, то никак не понять, что там прежде было. Но брат не отступал.

Когда я включился, брат лежал возле стены рядом с чело-веком. На голове у брата было что-то красное. Я потрогал

его, и мои пальцы тоже стали красными. Брат не шевелился, что-то испортило его. А может, он сам сломал себя – он любил все ломать. Я оттащил брата во двор и оставил под яблоней, а сам вернулся к домику. Теперь никто не помешает мне творить чело-веков и живот-ных.

...Эти чело-веки были хорошие. Они не спотыкались и умели делать разные вещи. Я целыми днями смотрел за ними: вот это мама, это папа (своего я почти не помнил, он был очень давно), это я, это брат, это еще один брат, а это сестренки. Они были милыми и походили на меня. Я любил глядеть на них. Но однажды я увидел, как один брат взял что-то острое и ударил этим другого. Тот, другой, упал и не шевелился – его сломали. Тогда я испугался, закрыл коробку крышкой и несколько дней не подходил к домику. А когда открыл, то увидел, что чело-веков много, и одни ломают других, и даже живот-ных. И тогда я заплакал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.